

Сергей Васильевич Максимов

Лесная глушь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С32

C32 **Сергей Васильевич Максимов**
Лесная глушь / Сергей Васильевич Максимов – М.: Книга по Требованию,
2012. – 222 с.

ISBN 978-5-4241-2057-2

Сборник рассказов и очерков о различных ремёслах русского крестьянства,
раскрывающий патриархальный крестьянский мир, живущий по своим зако-
нам

ISBN 978-5-4241-2057-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

ИЗВОЗЧИКИ (очерк)

Издавна извоз составляет самый любимый промысел русского человека. Извоз можно даже назвать по преимуществу русским промыслом: в какую бы среду ни был поставлен православный переселенец или поселенец, он везде первым долгом поспешит обзавестись лошадью и сделаться извозчиком. Лошадка вывозила на первых порах из всех бед и напастей всю русскую колонизацию и колонизаторы наши редко умели осваиваться с местом без помощи извозного промысла. Так спасли себя (и разбогатели теперь) те наши сектаторы (например молокане и духоборцы), которые выселены были на Кавказ в среду недружественного мусульманского населения. Так, между разнообразными выселенцами в Воронежской губернии извозом занимаются только русские. В Сибири, на Барабе, русские извозчики (возчики) успели даже выхолить из туземных пород особую породу обозных лошадей.

Промысел извоза чрезвычайно прост и удобен, особенно для того, кому нет желания жить по чужим людям, далеко от родной семьи, и даже выгоден преимущественно, конечно, там, где много езды между торговыми городами и где торговая деятельность во всей своей силе. Когда не было еще ни железной дороги, ни почтовых и частных дилижансов, класс извозчиков был чрезвычайно многочислен. Теперь же, при быстром улучшении путей сообщения, заметно уменьшился: опустели огромные ямы, которыми усеян был путь между двумя столицами, много извозчичьих домов, существовавших лет по сто и более, покинули свое ремесло и сделались хозяевами легковых извозчиков. Но в тех из наших губерний, где еще нет шоссе, или если есть, то недавно устроенные, извозчичий класс сохранился во всей своей первобытной простоте, со всеми своими оригинальными особенностями.

С Сибири, например, по большому торговому тракту от Казани вплоть до Кяхты, промысел этот сохраняется до сих пор во всей чистоте и неприкословенности; особенно же сумел он уберечь патриархальное добродушие и невинные нравы и сохранил первобытными людьми тех, которые занимаются извозом в местах Сибири, где тракт сибирский разошелся с почтовым и потянулся по травяной степи — Барабе. Там простодушно-чистых людей, занятых извозом, иначе и не зовут как *дружсками*, а дружки они и потому также, что живут между собой в самой тесной приязни, не подъедая друг друга, и такой дружной артелью, которую никто не плотил, но которая однако ощутительно для всех существует, и до сих пор никакими кабинетными правилами еще не изломана и не испорчена.

Правда, что и эти возчики китайских чаев и московской мануфактуры, с падением кяхтинской торговли и с заведением на сибирских реках пароходов, стали упадать силами и количеством, но качество их все то же. В недавнюю старину, в начале нынешнего столетия, из этого почтенного сословия сумел выделиться и такой замечательный человек, как Анфилатов. Записавшись в купцы города Слободского (Вятской губернии), он на долговременном промысле доставки товаров самолично в Сибирь, а потом при помощи приказчиков по многим местам России, умел дойти своим собственным разумением до необходимости основания банка. Банк его, учрежденный в городе Слободском, был первым частным банком в России, сумевшим по настоящее время поддерживать

заграничную торговлю Слободских, Вятских и Орловских купцов через Архангельск и выразившим свою плодотворную деятельность с другой стороны в процветании ремесел, которые приходят в большее и большее развитие.

В таких глухих местах, где еще не пылят шоссе, не свищут ни локомотивы, ни пароходы, извозчикий класс до сих еще пор делится на два совершенно отличные один от другого типа, не говоря уже в общем, но даже и в частностях, — на *троечников*, ездащих постоянно на тройке, редко на паре и решительно никогда на одной лошади, и на *одиночников*, наоборот, ездащих всегда на одной, на двух, редко на трех лошадях, но всегда *вразнопряжку*: на одной, двух и трех телегах, смотря по числу домашних лошадей.

Одиночник никогда не запрягает тройку в одну телегу и весьма редко пару; со своей стороны троечник считает за стыд ехать на одной. Первый занят ремеслом по нужде, второй или троечник, — чисто из любви и привязанности к нему, если только он сам хозяин, а не нанятой работник. Троечник всегда чаще возит седоков побогаче: купечество и дворянство, и если доставляет товары, то всегда чаще те, которые идут на дворянскую же руку: красные товары, бакалею, и т. п. Одиночные из живой клади доставляет крайнюю бедность: семинаристов на родину, солдат на побывку, а из товаров те, которые громоздки, посерей и подешевле: горшки, деревянную посуду, соль (для которой в южных местах России существует, также отживая свой век, особый промысел чумачества, отправляемый вместо лошадей на волах) и так далее. Но скажем о каждом особо и сначала об аристократах.

I. Троечник

У ворот постоянных дворов, в дальних губернских городах, где-нибудь в Ямской или Московской, до сих пор еще толпятся несколько мужиков, легко одетых, по-домашнему: летом просто в рубашках, подпоясанных красным кушаком, зимою в полушибаках, слегка накинутых на плечи. Это извозчики-троечники, поджидающие седоков и, от нечего делать, прибегнувшие к различным развлечениям: один, уместившись на облучке собственного или чужого экипажа и обхватив обеими руками увесистый ситник, удовлетворяет и аппетит, готовый явиться по собственной воле хозяина во всякое время, и искреннее желание приятно провести время. Другой, выпросив у дворника балалайку, сел на скамейке у самых ворот и потешает не столько соседа, сидящего рядом, сколько себя самого, охотника отколоть ушилкой какую-нибудь новую штуку в давно известной всем песне и на привычном ему инструменте. Двою поодаль, дружно ухнув, подняли громаду-тарантасище на толстой палке и, подставив дугу, начинают смазывать колеса. В другой стороне собирались охотники до видов и любуются проходящей семьей свиньи; другие заняты дракой уличных мальчишек, вполне сочувствуя ловкому удару одного, советуя взять побежденному противнику под силки и доказать ему, что-де зная наших.

Но вот подходит какой-то господин. Извозчики разом смекнули, что это седок, и окружили подошедшего.

Объявляется место поездки и неимение собственного экипажа.

— Так, стало, у вашей милости нет своей кибитки? — переспросят ребята. — Что ж, ничаво, — могим и свою снарядить.

И почешутся.

— Знамо уж свою надыть, коли нетути ихней, — заметит другой и в размышлении продолжает рассуждать. — Вестимо без кибитки плохое дело: дождичек пойдет — мочить будет, и все такое... Так выходит и телега наша, все как есть наше, а вашей милости, значит, только сесть да и ехать.

— Все как следует примерно, — увлеченные размышлением соседа, говорят его товарищи.

Наступает глубокое молчание, которое нарушает седок вопросом о цене.

— Кака цена? Шашейныя-то вы, что ли, платите? — спрашивает один.

— Разумеется, уж ты все бери на себя, а мне чтоб никаких беспокойств не было.

— Вестимо вам надыть спокойствие... А вас сколько примерно поедет?

— Двое.

— Стало, клади у вас немного, не отяготит: чемоданчик, подушки...

— Одеяло, — подскажет один.

— А скоро ты меня повезешь?

— Да уж это, как вашей милости будет угодно: лошади у нас хорошие, мешкать не станем. Как прикажете, так и поедем.

Снова наступает молчание, прерываемое, обыкновенно, опять вопросом о цене. Немного подумав и переглянувшись с товарищами, торговавшийся решительно говорит свою цену.

— Да что, барин, без лишнего: двадцать рубликов с вашей милости взять надыть.

Нанимающий страшно озадачен запросом и не соглашается на предложение.

— Эй, барин, не дорого! Пора-то, вишь ты, рабочая; никто меньше не возьмет... будьте уж не в сумлении.

Один новичок берет 18; ему обещают 12.

— Нет, барин, эдак уж совсем несподручно. Что скупиться-то: говорите делом. Вон молодец-то, пожалуй, берет и 18, да вы с ним и жизни-то не рады будете, измучит вашу милость, как есть измучит... двои суток проваландает; ведь у него вся тройка с сапом и хромает; а мы бы вашу милость и в одни сутки приставили.

— Хочешь 13, и ни гроша больше.

— Нет, барин, видно тебе ехать не надо, коли так упираешься! — заключат как бы обиженные извозчики и отойдут несколько в сторону от вышедшего из терпения седока.

— Ну, слышь, сударь — ладно!.. Будем толковать настоящее дело, — говорит опять *рядчик* вслед уходящего седока. 19 берем, коли хошь, а то — как знаешь...

Седок, однако же, упорен в своей цене.

— Эй, право, какой ты барин нестоворчивый, ну... 18 с полтиной.

— 13, и ни копейки! — говорит уже выведенный за границу терпения нанимающий и вполне убежденный в том, что набавивши рубль, придется прибавить и другой и до конца сделки выдержать роль набавлятеля. Тогда, в свою очередь, с тем же упорством не будут поддаваться извозчики и заставят-таки дать требуемую ими цену. И потому, обсудив, что барине-де кремень, как есть, значит, кремень, его не сломаешь, — сразу видать, что не впервые едет, благо хоть дает-то не 10 рублей, несходную цену, извозчики непременно вернут седока.

— Слыши, почтенный... ну, вот уж и осерчал. Ведь мы не сердились же, слушали и твою цену, запрос — не обидное дело. Какое ваше последнее слово,

да и по рукам.

— Сказано вам — 13.

— Ну, ладно, ладно… берем, хоша и не повадно маненько, да уж, видно, барин-то хороший. На чаек-то уж пожалуйте, ваше благородье! — заговорит сторговавшийся вкрадчиво-льстивым голосом, снявши свою шапку; его примеру следуют и товарищи, низко кланяясь победителю.

И будь седок хоть и в самом деле кремень, но на водку дает-таки, хоть даже и из чувства самодовольства, не говоря уже о радости.

По уходе пассажира начинается обоюдная сделка: если сторговался хозяин постоянного двора, то он посыпает очередного своего работника, или, если выгодно ему передать за меньшую цену другим, он начинает с ними торговаться. По большей же части дело кончается проще — метанием жребия: извозчики или вытаскивают из мозолистой руки собрата узелочек пояса, или перебирают рукой на тут же валявшейся палке или же, наконец, вынимают условную вещь из шапки: будет ли это с известной отметкой щепочка, камешек, ломаный грош с оттиском зуба и т. п.

Большею частью, при всех подобного рода сделках, извозчики, с общего согласия, выбирают *рядчика*, — человека привычного, опытного в этом деле и, конечно, честного. Избранный облекается полной доверенностью остальных, вполне убежденных в том, что он несгодно не сторгуется и никогда не допустит выскочку-новичка, не участвующего в сотовариществе, *отбить седока*. Новичок поедет с седоком разве в таком только случае, когда возьмет чрезвычайно дешевую цену, которую никогда бы не взял опытный извозчик и которой ему самому хватит только на *прокорм* себя и лошадей, — а о барыше, при всей бережливости, нет и помину. Поэтому троечники составляют из себя род некоторого общества, основанного на общем интересе, — возить седоков не дешевле заранее положенной, по общему уговору, платы.

Сторговавшийся троечник обыкновенно везет седока *до места с кормежкой* и тогда, конечно, в полном распоряжении своего пассажира, от которого вполне зависит и срок времени, которое придется быть на станции, и наконец, сама езда. Троечник, подрядившийся до места, беспрекословен к понуканьям и требованием остановиться. Но, по большой части, все троечники возят на *сдаточных* и в таком случае всегда целую компанию пассажиров. Наняв троечника, дают ему полное право приискать *попутчиков*, не претендую уже на то, если придется выехать позднее обычновенного срока и в компании человек шести и более, потому что извозчик, везущий на *сдаточных*, мало обращает внимания на то, тяжело ли будет его тройке, зная, что на следующей станции его сменит новый ямщик на *свежих* лошадях. Собравши своих седоков, извозчик дает им клочок бумажки, где разчислены деньги, следующие к выдаче на каждой станции, и предлагает кому-нибудь из пассажиров быть чем-то вроде кассира, или по их выражению *плательщиком*, и вручает ему деньги, сторгованные за проезд, с вычетом барыша и денег за первую станцию. Барыш конечно, и остается в пользу рядчика или того, кто первый повезет седоков. В огромном, крытом со всех сторон тарантасе, получившем, в последнее время, на языке извозчиков громкое название — *дорожного вагона*, отправляется поезд. Каждый пассажир здесь уже в полной власти извозчика, — он не может претендовать ни на тихую езду, ни на неловкость сиденья и, при первой попытке высказать свое неудоволь-

ствие, озадачивается резонным ответом:

— Уж мы не впервые ездим, — знаем все заподлинно и нас не учить стать: видали, примерно, всяких. Ведь вон сидят же другие господа, — ничего не говорят... а если не ловко, сядь половче; сказано, всяк о себе старается, а ведь и те такие же деньги платили...

Последнее замечание не всегда бывает справедливо: весьма часто седок, к полной своей досаде, узнает от соседа, что передал лишних два рубля, тогда как очень часто другой сосед заплатил вдвое дешевле обоих, потому что уж не впервые в дороге и знает обыкновения извозчиков. И успокоиваемые собственными промахами, седоки дают зарок не давать другой раз лишку и не беспокоить уже извозчика понуканьями, вперед уверенные в том, что легче взять с него этот лишек, чем заставить изменить привычке — ехать по собственному усмотрению, а не по желанию и прихоти пассажиров. Во всяком случае, извозчики помнят обещание и верны в данном слове — предоставить на место в установленный срок, и разве часами двумя позднее (но не более) седоки увидят цель своего путешествия.

Место родины хозяина-тroeчника — какое-нибудь торговое село, где отец его содержит постоянный двор, а следственно, и занимается извозом. Еще с малолетства отец приучает ребенка к будущему его ремеслу. Поедет ли в поле *стремо-жисть* лошадей или просто привести их на двор для впряганья, он сажает своего парнишку на лошадь впереди себя и дает ему в руки поводья; нужно ли съездить в соседнюю деревню за овсом или сеном, он смело вверяет это поручение своему восьмилетнему сыну. Ребенок до того привык к лошади, что ему нипочем проскакать галопом по целому селу на речку, чтобы там напоить или выкупать лошадей; даже в детские игры ввел он езду на тройке сверстников, делая замечания коренной бежать рысью и как можно больше подымать ногами пыль, а пристяжным бежать в скок и держать голову как только возможно больше на бок, а сам, развались в санках или тележке, вполне наслаждается плодами своей опытности.

Мальчику исполняется 12–13 лет — возраст, когда отец считает его способным управить тройкой и достойным того, чтобы доверить ему седока.

— Ты, смотри, вывали меня, постреленок! — говорит последний, боясь ввериться неопытности мальчика.

— Да, не бось, барин, не вывалим, нешто не знаю: вот сивко маненько рысист, так мы его продержим, а уж коренной воронко хоть и с норовом, да меня теперь не надует, — отвечает новый извозчик, судорожно сжимая кучу вожжей, в первый раз в жизни, к несказанной его радости, очутившихся в его руках. Отец, низко кланяясь, упрашивает вашу милость не сомневаться, и дает приличные наставления сыну.

— Смотри ты у меня, лошадей не задерживай, под гору — спущай, на гору во все лопатки; уваж их милость! А то коли что не ладно, смотри ты у меня, сыч, дам такую таску, что до новых колосьев не захочешь. Телегу-то помазать попроси там кого-нибудь. Без подмазки не езди: оси горят. Да слышь, не забудь, там долготе не балуй, не вергись: покормишь, да и с Богом назад. Эй, легонько, дурак, пристяжных не задерживай!.. коренника-то осади... под гору легонько. Эй, не хлещи! Говорят те, не хлещи! — кричит отец в след отезжающей кибитки.

Но первое доверие оправдалось: телега цела и, как видно, смазана, лошади

не в мыле, да и мальчишка прибыл своевременно.

— Поди, — говорит обрадованный и довольный отец, — поди в избу, там тебе матка пряженцов напекла, да уж оставь, оставь шлею-то... без тебя сделаю. На вот, возьми вожжи, снеси в избу, а уж здесь и без тебя сделают.

Обучение кончилось. Мальчишка с этих пор уже частенько получает подобного рода поручения, теперь уже ловко подбирает правую полу и засучивает ее за новый красный кушак, подаренный отцом за способности. Крепко наметившийся в своем деле и сделавшись к нему привычным, теперь, пожалуй, он и посмеется недоверчивости седока, лаконически ответив: «Нешто впервые?»

— Не с эдакими-де езжали.

Отец только посмеивается баухальству парнишки и ни за что не согласится отказать сыну в удовольствии и только скажет, когда уже все готово: «Ну, с Богом! Благослови Господи! Прощай, барин, счастливого пути!»

Лет через пять или шесть отец почти совершенно перестает ездить, предоставив это дело сыну. Сам только и делает, что рассчитывает извозчиков за обед и сено, да изредка чинит порвавшуюся сбрую.

Но вот приблизилась пора заменить и старуху. «Пора женить парня», — думает отец, рассчитывая взять молодицу у такого соседа, который занимается также извозом. Когда дело слаживается, все хозяйство передается на руки молодых. Теперь у отца только и дела что копошиться в углу: «Пускай-ко де теперь молодые сами поломаются, а наше дело со старухой киселя поесть да лежать на печи, аль на полатях. Теперь, благодаря Бога, все сделали, что могли, немного надо: саван сошьет сын, так и тем будем довольны!» — рассуждают старики, радуясь на новых хозяев.

Молодой начал с того, что перекрыл двор новой соломой, давно уже лежавшей в запасе, приделал новые березовые колоды кругом двора. Самый двор усыпал свежей соломой, переклал печи и украсил горницу, назначенную для почетных проезжающих, картинами, купленными им у проезжего оффени-владимирца. Извозчики, по старой привычке, все еще въезжали к нему и не раскаивались: молодая хозяйка кормила их славной лапшой и кашей, которые как-то и покруче сделались, чем у старой, да и наливают-то она как-то побольше и пощедрее. Завела она пироги, чего у старииков не было, — одним словом ведет и она свое дело не хуже, коли еще не лучше мужа. И вот, вследствие таких-то обстоятельств, а еще главное, вследствие того, что новый хозяин охотно дает и обед, и корм лошадям в кредит, — обстоятельство весьма важное для извозчика, особенно если он подрядился до места не брать с седока денег; мало посещаемый прежде постоянный двор по целой дороге сделался известным за самый лучший и выгодный.

Всякий извозчик и своему брату, и барскому кучеру, впервые едущему с господами на своих, посоветует остановиться у свояка. И вот, глядишь, у нового хозяина и изба выстроилась новая и вместо одной горницы для господ проезжающих у него явились две и обе вдвое просторнее прежней. И зажил он себе припеваочи: в доме у него *теплынь*, а в хозяйстве тишь да крыть, да благодать Божья, нет ни в чем недостачи. Зачем бы, кажется, ему подвергать себя и зимней выноге, в которой ничего нет хорошего — сечет она ему немилосердно лицо, и летнему зною, который безжалостно производит загар на его лице и мускулистой широкой шее? Но страсть, привычка вечно быть на козлах, не дает ему покоя и

влечет на новые предприятия. «Так отец мой делал, думает он, не след и мне покидать ремесла; мастерства я никакого не знаю, а плотники питерские не лучше меня живут: знать уж и умереть доведется извозчиком, да и парнишке, передать мою волю — не покидать извоза. Только немного неповадно ездить одному, без товарищей, и лошадям тяжело, да и сам ину пору по неделе не бываешь дома, ладно, кабы взяли на пай возить на сдаточных: оно все бы лучше было, а то все у ворот стоять как-то неладно стало».

И вот однажды за чашкой чаю в городском трактире сам извозчичий хозяин предложил честному мужичку идти в долю и возить на сдаточных — обстоятельство весьма важное в жизни извозчика! Если парнишка еще малолеток и нет в доле брата, извозчик нанимает батрака и на лишние деньги покупает новую тройку: — теперь ему гону много будет, успевай только пошевеливаться. И будь он немного изворотлив и бережлив, дела пойдут ходко: явятся новые планы, при деньгах весьма легко исполнимые, только умей заслужить доверие собратов. При удаче он делается необыкновенно смел и предприимчив.

Раз как-то стороной он услыхал, что в городе передается постоянный двор и старый хозяин ищет покупщика, который вел бы его хозяйство и был ему известен; у смельчака мгновенно рождается в голове новое предприятие — купить этот двор, покинуть родную деревню и выписаться в мещане: предприимчивость влечет его туда неудержимо. Никому не сказав о своем намерении, он поехал в город, сторговался со свояком, отдал половину денег; остальную же ему, как мужику честному, поверили и, возвратясь в деревню, объявил он жене неожиданную весть.

— Где уж нам в городе жить; жили в деревне — хорошо было, а там Бог весть, что будет, может и помрем.

— Полно, баба! Помереть помрешь и здесь. А и в городе люди не лыком шиты. Что тебе деревня-то, а там и человек другой... Да что тут с тобой расставаться? Сказано — волос длинен, да ум короток; нечего мешкать: дело сделано, собирайся!

Нагрузив несколько возов, он отправил их в город, потом сам перевез семейство. На первых порах в нем будто проснулась как бы на время затаившаяся страсть к извозничанью: он года два еще ездит с охотой, и все так же, как и прежде, т. е. на сдаточных. Но скоро сделалась в нем непонятная перемена: извоз, с которым он свыкся с измалества, — ему опостылел, ничто не заставит его выйти на улицу выжидать седоков. Нужна особая рекомендация, чтоб он взялся вас прокатить, и уж если запросил какую цену; ни копейки не уступит, лучше и не торгуйтесь, скорее не поедет, чем возьмет меньше запрошенного. Видно, что уже не нужда заставляет его ехать с вами, а эта страсть поездить покататься. Здесь он прежде всего делает удовольствие себе самому и потому, на обратный путь, для шутки, возьмет иногда чрезвычайно дешево, так что вам самим смешно и странно покажется, и повезет вас так, как никто не возит и как сам никогда не езжал прежде: на сотне верст у него одна упряжка, и то на короткое время: Бог весть, когда успевают наедаться и отдохнуть его лошади. И что за чудо его лошади! — ни один извозчик не проедет мимо, чтоб не мызгнуть губами и не сказать вслух: «Славные рысачки, говорят, на Вятку сам ездил, по пятисот рублей дал за каждого живота».

В начале путешествия он невыносимо молчалив и как будто важничает. Вот

зарябили по сторонам и на пути деревеньки. От нечего делать седок желал бы знать их названия, в надежде разговориться с ямщиком; но отрывистые слова — починок, задний двор, середний двор — передний двор, решительно отбиваются последнюю надежду разговориться с ним. Видно, что ямщик еще как-то не разошелся.

Седок начинает дремать, утомленный однообразием полей, засеянных овсом и рожью, рожью и ячменем, изредка прерываемых густым перелеском еще с более скучным однообразием стволов или можжевельника, или березы и сосны. Кибитка незаметно въехала в большую деревню, при самом въезде в которую торчит маленькая избенка с крылечком по середине. На фронтоне крылечка виден приманчивый знак — пучок засохшей порыжелой елки — признак питейного. Извозчик поехал мелкой рысцой немножко подальше вперед, осадил тройку и, повернувшись в полоборота к седоку, просит позволения *промочить горло*. Промачивание продолжается недолго, но в сытость, после чего извозчик успокоит седока приличным замечанием.

— Не бось, барин, наверстаем! — говорит он, покрякивая и поглаживая бороду. — Маненько позамешкались, да ничего, держись только! Так-то маxнем, что старикам на печи икнется, а старому свату живот подведет. Эй, вы, распределяющие, дети любимые, уважьте... ой ударю! И, громко взвизгнув, он только маxнет вожжами и обрадованная тройка вихрем мчит вас вперед.

Тогда не понадейся навстречу развеселившемуся троечнику ни одни одиночки: он сразу осмеет его с ног до головы и ввернет обидное замечание.

— Эй ты, ворона, виши, как развалился, словно знать никого не хочет! Гляди, гужеед: ведь ось-то в колесо попала!.. Коней надорвешь — по миру пойдешь, глянь-ко, всех ведь в мыло загнал. Эх ты, сипа-сила: ешь ты сыто, мякину да горох, что дедко стерег.

Не утерпит остряк, чтобы не отпустить пряничного комплимента и деревенским девушки, толпою идущим за грибами, и резкого, бранного замечания деревенским ребятам, вечным спутникам последних в их прогулках и занятиях.

Вот минута, когда седок смело может положиться на словоохотливость ямщика и узнать у него не только подробные биографии всех владетелей мелькнувших в стороне и на дороге усадеб, но даже душевые склонности и привычки помещиков. Про деревни спрашивать нечего: хозяина каждой избы он знает по имени, и вообще обнаружит в себе человека бывалого, который из семи печей хлеб едал — не морщился, если пассажир не соскучится слушать его болтовни и крепко понравится извозчику, последний готов его *поважисть* песенкой, сначала любимой, потом, пожалуй, и по заказу седока, какой он захочет и сам пожелает. Коренные песенники, кажется, теперь только в среде этого сословия и удерживаются.

Одним словом, нет услужливее, словоохотливее троечника, подрядившегося до места. Исполняя всякое требование седока, он сам, с своей стороны, чрезвычайно уступчив и не претезателен. Требования троечника ограничены: зимой — дозволение погреться в питейном, а чтобы дать вздохнуть лошадям — веселая беседа с седоком, достаточно вознаграждаемая живым участием и вниманием к разговору. Летом, когда по деревням на дороге начнутся праздники и веселые хороводы девушек, окруженных густой стеной любезников-ребят, наполнят деревенские площадки около часовни, а толпы подгулявших гостей-мужичков